С.А. Джанумов

ФОЛЬКЛОР В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА

В статье рассматриваются идейно-художественные функции фольклора в творчестве И.А. Бунина, а также те фольклорные источники, которые писатель использовал в своих произведениях. Предмет исследования настоящей статьи — заговоры и заклинания, календарная и семейно-обрядовая поэзия в стихах и прозе Бунина.

Ключевые слова: фольклор; приметы; гадания; заклинания; заговоры; календарно-обрядовая, семейно-обрядовая поэзия; творчество.

Проблема «И.А. Бунин и фольклор» не новая для нашего литературоведения. Одна из первых и до настоящего времени лучших работ на эту тему — статья Э.В. Померанцевой «Фольклор в прозе Бунина» [7: с. 14–43]. Как отмечал в предисловии к книге Э.В. Померанцевой «Писатели и сказочники» В.Е. Гусев, «Э.В. Померанцева обратила внимание на многообразие и постоянство интересов писателя в области народного творчества, на, в сущности, научную скрупулёзность его обращения с фольклорными источниками, впервые обобщила его воззрения на русский фольклор и глубоко проанализировала его метод творческого освоения народно-поэтических образов» [7: с. 10–11].

Однако Э.В. Померанцева не стремилась к систематизированной характеристике фольклоризма Бунина, да и рамки небольшой статьи не позволили ей реализовать эту задачу. Кроме того, раскрывая функции фольклора в произведениях Бунина, Э.В. Померанцева не обращалась к его поэзии, письмам, а также по цензурным соображениям времени написания статьи — семидесятых годов XX века — к его дневниковым заметкам 1918–1919 годов «Окаянные дни». И ранее, до работы Э.В. Померанцевой, было накоплено немало наблюдений и фактов, относящихся к влиянию фольклора на творчество Бунина, но чаще они касались языка и стиля писателя, рассматриваемых преимущественно с лингвистической точки зрения [1; 2].

В нашей статье мы попытаемся в порядке предварительного изучения систематизировать этот большой и разносторонний материал, коснуться круга фольклорных источников, которыми пользовался писатель, сопоставить творческие взгляды Бунина на фольклор и его художественную практику.

Прежде всего следует отметить, что в своём творчестве Бунин использовал почти все фольклорные жанры. Его влечёт к себе архаиче-

ский фольклор, в своих стихах и прозе он часто обращается к приметам, гаданиям, колдовству, заговорам, к календарно–обрядовой и семейно-обрядовой поэзии. Так, в стихотворении «Отрава» (1913) невестка прибегает к помощи колдуна, чтобы отравить свою «свекровь-госпожу»:

Серьгу и кольцо я в бору колдуну отдала,
Питьё на меду да на сладком корню развела [3: I, с. 359].

О народном обычае обращаться к колдуну для приготовления отравы сообщает М. Забылин в своей книге «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» (1880): «Колдун ни в чём не отказывает за щедрый подарок, хотя немного и *поломается*, а даст хоть какое зелье и от чего угодно <…>. Дело кончается тем, что получивший из рук покровителя зелье, даёт в питьё или пищу своему недругу, и свойство яда долго ли, скоро ли, но произведёт своё действие» (здесь и далее курсив М. Забылина. — *С.Д.*) [11: с. 213].

В конце стихотворения героиня, чтобы отвести от себя подозрения в отравлении своей свекрови, прибегнет к старинному обычаю голосить по покойнику, т.е. к народным причитаниям: «Уж как же я буду за церковью выть, голосить!..» [3; I, с. 359].

Вера в магическую силу колдовских отваров проявляется и в стихотворении Бунина «— Дай мне, бабка, зелий приворотных…» (1920) [3: VIII, с. 31], где внук обращается к своей бабке, по-видимому, знахарке, чтобы при помощи особого зелья склонить красную девицу к любви.

Изображая в своей повести «Суходол» (1912) жизнь предков, столбовых дворян Хрущёвых, показывая былое очарование помещичьих усадеб и вместе с тем рисуя безотрадные картины современных «дворянских гнёзд» в их пёстрой и текущей повседневности, Бунин широко использует различные жанры восточнославянского фольклора — от древних легенд и преданий, в частности, легенды о святом Меркурии Смоленском до русских и украинских песен, народных пословиц и поговорок. В этом жанровом разнообразии устного народного творчества обращает на себя внимание устойчивый интерес писателя к магическому фольклору, к колдовству, старинным заговорам и заклинаниям.

Большое место в повести занимает образ «…колдуна из села Чермашного, знаменитого Клима Ерохина <...>, очень дельного хозяина и очень разумного, простого в речах обычно, но преображавшегося в волхва возле болящих» [3: III, с. 174–175], подробно изображается процесс исцеления барышни при помощи заклинаний, заговоров от тоски и «платочка с какими-то колдовскими косточками»: « Тоска, тоска! — восклицал он (Клим. — *С.Д.*) с внезапной силой и грозной властью. — Ты иди, тоска,

во тёмные леса, — там твои места! На море, на окияне, — бормотал он глухой зловещей скороговоркой, — на море, на окияне, на острове Буяне лежит сучнища, на ей серая рунища…» [3: III, с. 175].

С большой изобразительной мощью Бунин показывает влияние мистики народных верований на людей из народа, в том числе на героиню повести «сказительницу» Наталью: «И чувствовала Наталья, что нет и не может быть более ужасных слов, чем эти, сразу переносящие всю её душу куда-то на край дикого, сказочного, первобытно-грубого мира» [3: III, с. 175–176]. Неслучайно в страшную для неё минуту, перед таинственным и роковым для неё появлением «бывшего монаха», проходимца Юшки, который грубо овладевает ею на холодном полу прихожей, Наталья в каком-то наваждении и забытьи повторяет слово в слово заклинания колдуна Клима: «— На море, на окияне, на острове Буяне … — зашептала она, кидаясь назад и чувствуя, что совсем губит себя колдовскими заклинаниями. — Там лежит сучнища, серая рунища…» [3: III, с. 181].

Об интересе Бунина к народным заговорам свидетельствуют сделанные им примерно в 1911–1913 годах выписки из различных фольклорных сборников (Е.В. Барсова, П.Н. Рыбникова) и особенно из сборника «Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия» (Вып. 1. – М., 1911). Вот как озаглавливает писатель одну из этих выписок — текст заговора свадебного дружки: «Уроки — заклинания от порчи, произносит дружка в бане, чтобы оберечь жениха». И далее Бунин приводит самый текст заговора, в котором, как и в повести «Суходол», встречаются те же заклинательные формулы (они, кстати, часто повторяются и в традиционных присказках народных волшебных сказок): «И лежиць на мыре, на кіане, на острове на Буяне бел латырь камень…» (орфография выписок Бунина. — *С.Д.*) [12: с. 402].

Нередки в творчестве Бунина обращения к календарно-обрядовой поэзии. Так, в стихотворении с характерным названием «Петров день» (1906) приводятся народные приметы («Жарко в небе солнце Божье / На Петров играет день, / До Ильи сулит бездожье, / Пыль, сухмень…») [3: III, с. 265], изображаются обряды, поверья, связанные с солнцем, с мифологическими персонажами:

Девушки-русалочки,
Нынче наш последний день!
Свет за лесом занимается,
Побледнели небеса,
Собираются с дубинами
Мужики из деревень

На опушку, к морю сизому
Холодного овса… [3: I, с. 264].

Всё изображённое здесь и далее в этом стихотворении Бунина — этнографически точно и в полном соответствии с календарными обрядами Петрова дня, или «Петровками», как их ещё называют в некоторых местностях России: «В Петровки, в деревнях начинается кипучая деятельность; она состоит в *помочах, толоках,* то есть унавоживании полей и сенокошении <…>. С *Петрова* дня наступают «*Петровские жары*» [11: с. 83–84] (ср. у Бунина: «Жарко в небе солнце Божье…»). Неслучайно и упоминание в стихотворении «девушек-русалочек». Это тоже соотносится с обрядами и песнями Петрова дня: «Одной из целей петровского обычая «караулить солнце» был оберег от русалок» [9: с. 604].

Народные приметы нередко используются в рассказе «Антоновские яблоки». Размышляя о судьбах поместного дворянства в «Антоновских яблоках», где лирическое начало доминирует в повествовании, Бунин создаёт особое настроение за счёт широкого привлечения фольклора. Как отмечает, анализируя этот рассказ, в своей книге «Проза И.А. Бунина» Л.А. Колобаева, «вольному излиянию чувств, печали об уходящей в прошлое жизни дворянских усадеб как нельзя лучше соответствует избранная писателем форма художественного *времени* (здесь и далее курсив Л.А. Колобаевой. — *С.Д.*) — самая, казалось бы, безыскусная, но зато предельно свободная и естественная. Это время, так сказать, натуральное, *хроника* самой природы, отмеченная по месяцам, как в календаре» [5: с. 27].

А поскольку у народа свой календарь, то органично и естественно присутствие в рассказе народных примет: «осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия (как отмечает сам Бунин в начале рассказа, праздник святого Лаврентия приходился на середину августа и сопровождался «тёплыми дождиками». — *С.Д.*) вода тиха и дождик» [3: II, с. 179] (ср. у В.И. Даля: «На Лаврентия смотрят в полдни на воду: коли тиха, то осень будет тихая, а зима без вьюг» [8: с. 891]); «Много тенетника (как поясняет выше сам Бунин, слово «тенетник» означает паутину. — *С.Д.*) на бабье лето — осень ядрёная»… [3: II, с. 179] (ср. у В.И. Даля: «Много тенетника на бабье лето, к ясной осени и холодной зиме» [8: с. 893]). И, наконец, в начале второй главки рассказа ещё одна примета, определяющая тональность произведения: «Ядрёная антоновка — к весёлому году» [3: II, с. 182].

Большое место уделяется в произведениях Бунина семейной обрядовой поэзии, в частности, свадебному и похоронному обряду. Так, в стихотворении «Христя» (1908) поэтически воспроизводится вторая часть свадебного обряда, так называемый «сговор», который состоял

в «оглашении» предстоящей свадьбы и в первом официальном свидании жениха и невесты. На такой сговор приглашались с обеих сторон и родные, а невеста на сговоре (или её родня) должна была горько плакать и причитать. Пели песни и все женщины деревни, пришедшие на сговор в качестве зрителей. Невеста на сговоре должна была быть празднично и нарядно одетой, и её как бы «пропивали», т.е. отдавали на чужую сторону. Неслучайно сговор иногда называли «пропоем». Некоторые из этих черт сговора отражены и в стихотворении Бунина:

Христя угощает кукол на сговоре —
За степною хатой, на сухих бахчах…

Собрались соседки к «старой бабе» Христе,
Пропивают дочку — чай и водку пьют,
Дочка — в разноцветной плахте и монисте,
Все её жалеют — и поют, поют! [3: I, с. 315].

О любовных помышлениях невесты в «ночь перед венчаньем» и об обычае расплетать её косу в канун свадьбы рассказывается в стихотворении Бунина, которое так и называется «Невеста» («Я косы девичьи плела…») (1915) [3: I, с. 371–372].

В первом издании рассказа «Кастрюк» (1895) герою произведения «вспоминалось прежнее» — весёлые величальные свадебные песни: «А весёлые, слышанные ещё от дедов, «величальные» дворовые песни вроде:

Прикажи, сударь, карету заложить,
Во каретушку двенадцать лошадей,
Чтобы кони были убранные,
А лакеи принапудренные… —

как-то не шли к его настроению, и он обрывал их с горькой улыбкой» [3: II, с. 491]. Показательно, что и прозвище героя рассказа взято из старинной народной песни, и Бунин специально оговаривает это: «— Ну, Кастрюк (деда все так звали на деревне, потому что, выпивши, он любил петь про Кастрюка старинные весёлые прибаутки), ну, Кастрюк… не тужи тут…» [3: II, с. 21].

О старинном обычае заплетания косы невесте, косы, которая осознавалась как символ девичьей жизни, говорится в повести «Деревня» (1910): «Носят дурновские бабы «рога» на голове: как только из-под венца, косы кладутся на макушке, покрываются платком и образуют нечто дикое, коровье» [3: III, с. 31].

А в конце повести Бунин даже воспроизводит основные моменты свадебного обряда, сопровождаемые народными песнями, свадебны-

ми причитаниями и присловиями — от сватовства до свадебного пира. Причём весь обряд мы видим как бы глазами Кузьмы Красова, поскольку именно Кузьма является носителем близких и дорогих Бунину нравственных качеств.

В продолжение всего свадебного действа Кузьма выступает как бы в роли отца Молодой, хотя чувствует какую-то неловкость от всего происходящего. Поэтому именно к Кузьме приходит со своим отцом сватать к Молодой Дениска. Как и полагается, сватовство в повести ведётся по традиционному ритуалу, сопровождается различного рода иносказаниями. Сначала берёт слово отец Дениски — Серый: «Сват, не сват, а добрый человек! — не спеша начал Серый необычно-развязным и ладным тоном. — Тебе наречённую дочь отдавать, мне сына женить, по доброму согласию, на ихнее счастье давай речь промеж себя держать. И степенно, низко поклонился» [3: III, с. 126]. После того как Молодая и Дениска дают взаимное согласие на брак, «…сваты поздравили друг друга с начатием дела» [3: III, с. 126].

Понимая всю нелепость этого брака и то, что Молодая вынужденно идёт замуж за это «циничное животное», как называет Дениску Кузьма, последний испытывает душевную боль и даже временами ужас от происходящего, как, впрочем, и сама невеста, фактически вдова: «Кузьма взглянул на невесту, и в глазах их, встретившихся на мгновение, мелькнул ужас» [3: III, с. 130]. Тем не менее обряд идёт своим чередом и, как принято в народе, часто сопровождается соответствующими каждому моменту свадьбы песнями и причитаниями. Сначала Однодворка, которая выступает в повести в роли распорядительницы во время обряда сватовства, «…высоко и резко запела, поглядывая на Дениску, на его землистое лицо и большие ресницы:

Как у нас да по садику,
Зеленом виноградику,
Ходил, гулял молодец,
Пригож, бел-белешенек…» [3: III, с. 126].

Бунин усиливает ироническую несуразность всей этой картины, поскольку «землистое лицо» Дениски и традиционный песенный облик белолицего и пригожего жениха никак не сочетаются, хотя в фольклоре жених (как и невеста) всегда идеализируется. Ср. песню из записанного П.И. Якушкиным свадебного обряда (орфография собирателя. — *С.Д.):*

У Васильюшки кудри русые,
Ай, да ли-ляй, ляли-ляй-ляли,

Как у Дмитрича по плечам лежать,
По плечам лежать, по белом лицу,
По белом лицу, по румёному… [10: с. 97].

В повести Бунина песни и причитания сопровождают особенно поэтическую и эмоциональную часть свадебного обряда — девичник: «…Домашка, хромая девка с тёмным, злым и умным лицом, …затянула грубым и сильным голосом старинную величальную песню:

Как у нас при вечеру-вечеру,
При последнем концу вечера,
При Авдотьином девишнику…

Девки дружным и нестройным хором подхватили её последние слова — и все обернулись к невесте: она сидела, по обычаю, возле печки, неубранная, с головой накрытая тёмной шалью, и должна была ответить песне громким плачем и причитаниями: «Родный мой батюшка, родимая матушка, как мне век вековать, замужем горе горевать?». Но невеста молчала. И девки, кончив песню, недовольно покосились на неё. Потом пошептались и, нахмурившись, медленно и протяжно запели сиротскую:

Растопися, банюшка,
Ты ударь, звонкий колокол!» [3: III, с. 129].

Бунин, как всегда этнографически точен в подборке песен и причитаний, исполнявшихся именно на девичнике. Ср., например, соответствующие строки в песне, записанной П.Н. Рыбниковым в Олонецкой губернии:

Растопись, моя банюшка,
Разгорись, сыра каменка! [6: с. 268].

Как и на традиционном девичнике, где перемежались песни и причитания, достигавшие особенного эмоционального накала к концу этой части свадебного обряда, так и в «Деревне» от эпизода к эпизоду (особенно в конце повести) чувствуется нагнетание драматизма. И это передаётся через соответствующее восприятие главными персонажами повести трагических мотивов песен и причитаний: «И у Кузьмы задрожали крепко сжатые челюсти, пошёл мороз по голове и по голеням, сладостно заломило скулы, и глаза налились, помутились слезами. Невеста завернулась в шаль и вдруг вся затряслась от рыданий.

— Будя, девки! — крикнул кто-то.

Но девки не слушали:

Ты ударь, звонкий колокол,
Разбуди мово батюшку…

И невеста со стоном стала падать лицом на свои колени, на руки, захлёбываясь от слёз…» [3: III, с. 129].

В сложном обрядово-поэтическом комплексе на девичнике особое место занимали песни о сиротстве, если невеста, как в повести Бунина, была сиротой. Как показывают фольклорные записи и заметки писателя, его особенное внимание привлекали именно эти песни. Так, делая выписки из книги «Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия» (Вып. 1, 1911), Бунин большое место уделяет «песне сироты при отпуске к венцу», записанной в родной ему Орловской губернии, и приводит фрагменты этой песни, почти дословно встречавшиеся ранее в его повести:

На девичьем было вечере,
На великой было радости…

К о н ч а е т с я (замечание Бунина. — *С.Д.*)

Ты поди в собор-церковь,
Позвони во большой колокол,
Пробуди ж ты *родного* батюшку
И *родную* матушку… [12: с. 404]

(слова, выделенные курсивом, подчёркнуты
Буниным в записях. — *С.Д.).*

Делая выписки из книги «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым» (изд. второе. – Т. III. – М., 1909–1910. – С. 22), Бунин опять-таки обращает особое внимание на плач невесты-сироты, перекликающийся в своих основных мотивах с причитанием из «Деревни»:

Ох вы, братцы, ясны соколы!
Вы сходите в Божью церковь,
Вы ударьте трижды в колокол!
Расступися, мать сыра-земля!
Ты откройся, гробовая доска,
Развернися, золота парча!
Ты восстань, родитель-батюшка! [12: с. 417].

Ярким контрастом к этим причитаниям невесты и девушек служит в повести сцена так называемого «выкупа» невесты, которую Бунин воспроизводит в точном соответствии с этой частью свадебного обряда. Обычно дружка (или дружко) жениха обменивался традиционными свадебными присловьями, шутками, иносказаниями с подругами невесты. Вот пример такого диалога из сборника П.В. Шейна «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях…»: «Д р у ж к и: Что вы за люди? Д е в у ш-

к и: Молодой княгини верные служаночки. Д р у ж к и: Где же княгиня? Отчего она не снаряжена и за стол не посажена? Д е в у ш к и: Наша княгиня в парной баенке, под шелковым веничком. Д р у ж к и: Опростайте нам квартиру… Д е в у ш к и: Дайте нам золотой казны! (*Дружки кидают медные деньги*) [4: с. 533].

В «Деревне» эта свадебная игра изображается примерно так же, как и в традиционных обрядах: «Жених пришёл с Васькой, сыном Якова… Васька, дружко, в красной рубахе, в романовском полушубке нараспашку, войдя, строго покосился на игриц. — Будя драть-то — грубо сказал он и прибавил то, что полагалось по обряду: — Вылязайте, вылязайте. Игрицы хором ответили: — Без троицы дом не строится, без четырёх углов — изба не кроется. Положь по рублю на кажном углу, пятый — по серёдке да бутылку водки. Васька вытащил из кармана полштоф и поставил его на стол» [3: III, с. 129–130].

А поскольку дружка выступает ещё и в роли распорядителя на свадьбе, именно Васька командует последними сборами и приготовлениями к отъезду жениха и невесты в церковь для венчания: «— Ух, мать твою не замать! — бормотал Васька, нагибая голову и садясь рядом с женихом. И грубо, равнодушно крикнул на ветер: — Господа бояре, бословите жениха по невесту ехать! Кто-то отозвался: — Бог бословит… И бубенцы заныли, полозья заскрипели, сугробы, разрываемые ими, задымились, завихрились, вихри, гривы и хвосты понесло в сторону…» [3: III, с. 131]. И это движение лошадей, рвущихся куда–то в сторону в вихре метели и вьюги, выражает идею всеобщей потерянности, обречённости, предчувствие надвигающейся катастрофы.

Венчает описание свадебного обряда в «Деревне» исполнение популярнейшей величальной песни женой Ваньки Красного: «Вьюга в сумерках была ещё страшнее. И домой гнали лошадей особенно шибко, и горластая жена Ваньки Красного стояла в передних санях, плясала, как шаман, махала платочком и орала на ветер, в буйную тёмную муть, в снег, летевший ей в губы и заглушавший её волчий голос:

У голубя, у сизого
Золотая голова!» [3: III, с. 132].

Тревожная атмосфера последних эпизодов повести передаётся через изображение пейзажа: вьюги, метели, буйного ветра, под аккомпанемент которых происходит свадебное действо. Отсюда и как бы ремарки автора, сопровождающие разворачивающуюся на наших глазах драму Молодой, и характер исполнения песен и причитаний: «затянула *грубым* и сильным голосом старинную величальную песню»

(здесь и далее курсив наш. — *С.Д.*); «она (невеста. — *С.Д.*) должна была ответить песне *громким* плачем и причитаниями», «медленно и протяжно запели «сиротскую»»; «невеста завернулась в шаль и вдруг вся затряслась от рыданий»; «*грубо, равнодушно* крикнул на ветер»; «*орала* на ветер…, в снег, летевший ей в губы и заглушавший её *волчий* голос».

В «Деревне» Бунина наряду со свадебными причитаниями встречаются и похоронные, которые также являются частью семейно-обрядовой поэзии. Как известно, похоронный обрядовый ритуал был всегда тесно связан с народными плачами, в которых большую роль играла поэтическая традиция, проявлявшаяся в употреблении устойчивых образов, художественных символов, композиционных приёмов. Дикий быт Дурновки, жестокие нравы, царящие в ней, отвратительные отношения в крестьянских семьях, взаимная ненависть мужа и жены, — всё это проецируется на трагическую историю изломанной жизни Молодой, на её внутреннюю драму. Подозреваемая Тихоном и всеми дурновцами в отравлении своего мужа, Молодая на похоронах Родьки в своих переживаниях как бы перехлёстывает через край, ведёт себя, по народным понятиям, «даже неприлично». И Бунин, прекрасно зная эстетику и традиции похоронных причитаний, объясняет, почему такое чрезмерное проявление чувств считается неприличным: «Родьку схоронили, Молодая голосила, провожая гроб, так искренно, что была даже неприлична, — ведь эта голосьба должна быть не выражением чувств, а исполнением обряда…» [3: III, с. 41].

Но если в «Деревне» передано только впечатление от похоронного причитания, то в рассказе «Худая трава» (1913) приводится целый фрагмент народного плача дочери по отцу. Умирающему герою рассказа Аверкию в предсмертном бреду представляется «…летний день, летний вечер в зелёных полях, косогор за селом и на нём — его могила… Кто это так звонко и так жутко кричит, причитает над нею?

— Родимый ты мой батюшка, что ж ты себе сдумал, что ты над нами сделал? Кто ж будет нами печалиться, кто будет заботиться? Родимый ты мой батюшка, я шла мимо вашего двора: никто меня не встретил, никто не приветил! Я, бывало, батюшка, иду мимо вас — ты меня встречаешь, ты меня привечаешь! Уж ты грянь, громушек, просветися, молонья, расступися, мать сыра-земля! Уж вы дуньте, ветры буйные, — вы раздуйте золотую гробову парчу, распахните мово батюшку!

«Ах, это дочь! — подумал Аверкий с радостью, с нежностью, с затрепетавшей в груди сладкой надеждой на что–то…» [3: IV, с. 150].

В этом рассказе Бунина народный плач способствует воссозданию русского национального характера, воспринимается не трагически, а просветлённо, с тихой печалью. Прощающийся с жизнью Аверкий не боится смерти и, чувствуя её приближение, подчиняясь общему для людей и природы закону, умирает так же «неслышно», как никнет и увядает старая трава в поле, чтобы дать место новой, молодой, свежей. И эта концовка проясняет для читателя и смысл названия рассказа, и значение народной пословицы, предпосланной к произведению в качестве эпиграфа: «Худая трава из поля вон!» [3: IV, с. 131].

В произведениях Бунина и многие другие жанры фольклора — былины, сказки, народные песни, пословицы и поговорки, частушки — используются творчески, широко и разнообразно, с глубоким проникновением в мир народной поэзии. Но это уже может служить предметом и материалом последующих исследований.

Литература

1. Аверьянова А.П. Фразеология как средство речевой характеристики персонажей в произведениях И.А. Бунина // Вопросы семантики фразеологических единиц. (На материале русского языка): тезисы докладов и сообщений. – Ч. 1. – Новгород, 1971. – С. 268–273.

2. Аверьянова А.П. Из наблюдений над языком и стилем И.А. Бунина // Вестник Ленинградского университета. – 1972. – № 2. История, язык, литература. – Вып. 1. – С. 104–110.

3. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9-ти тт. – М.: Художественная литература, 1965–1967.

4. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. / Материалы, собранные и приведённые в порядок П.В. Шейном. – Т. 1. – Вып. 2. – СПб., 1900.

5. Колобаева Л.А. Проза И.А. Бунина: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – 2–е изд. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2000. – 88 с.

6. Народные лирические песни / Вступит. ст., подготовка текста и примеч. В.Я. Проппа. – Л.: Советский писатель, 1961. – (Библиотека поэта. Большая серия). – 610 с.

7. Померанцева Э.В. Писатели и сказочники / Сост.: В.Г. Смолицкий. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 14 – 43.

8. Пословицы русского народа / Сборник В. Даля. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – 991 с.

9. Поэзия крестьянских праздников / Вступ. ст., составл., подготовка текста и примеч. И.И. Земцовского. – Л.: Советский писатель, 1970. – 636 с.

10. Собрание народных песен П.В. Киреевского / Записи П.И. Якушкина; подготовка текстов, вступит. ст. и комментарии З.И. Власовой. – Т. 1. – Л.: Наука, 1983. – 342 с.

11. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным; репринтное воспроизведение издания 1880 года. – М.: Совместное советско-канадское предприятие «Книга принтшоп», 1989. – 616 с.

12. Фольклорные записи <И.А. Бунина> / Публикация А.К. Бабореко; предисл. и примеч. Э.В. Померанцевой // Иван Бунин. – Литературное наследство. – Т. 84. – Кн. 1. – М.: Наука, 1973. – С. 399–418.

S.A. Dzhanumov

Folklore in I.A. Bunin's works

The article deals with ideological and aesthetic functions of folklore in Bunin's works, the folklore sources Bunin used in creation of his works. The subject of the research is the use of charms and incantations, calendar and family and rite poetry in Bunin's poems and prose.

Key words: folklore; signs; fortune–telling; incantations; charms; calendar and rite poetry; family and rite poetry; creation.